

Б.А. Куркин

Доктор юридических наук, профессор Московского государственного индустриального университета

Идеологема прав человека и ее интерпретация в современной отечественной правовой теории

«Проповедовать мораль легко. Обосновывать ее трудно». Эти слова А. Шопенгауэра как нельзя более подходят и к теоретическому обоснованию доктрины «прав человека».

В настоящее время концепция прав человека стала несущим элементом политического либерализма, его краеугольным камнем, а также метафизической системой. В самом деле: что есть права человека? Чем отличаются они от субъективных прав? Только тем, что некие права когда-то кем-то было решено признать в качестве фундаментальных и неотъемлемых? Но в таком случае мы имеем дело по философскому «гамбургскому счету» не с «онтологией», а с некой идеологемой.

В середине—конце 1990-х гг. в академических кругах имела место дискуссия о содержании понятия прав человека, однако сколь-нибудь ощутимых результатов в ее ходе достигнуто не было¹.

Попытки определить их как нечто, качественно отличающееся от субъективных прав, ни к чему, в сущности, не привели. Гораздо логичнее было бы предположить, что содержание понятия прав человека носит сугубо конвенциональный характер, т.е. права человека — это те права, которые решено было признать в качестве таковых.

Показательно, что, осуществляя радикальный разрыв с предшествующей — советской — традицией, российская правовая наука, прыгая из «царства необходимости в царство свободы» также столкнулась с проблемой обоснования прав человека, получив в качестве исследуемого и интерпретируемого объекта соответствующие разделы Конституции РФ. Вновь встал ребром вопрос об «онтологии» прав человека². Тогда адептами нового российского конституционализма была из-

---

¹ См.: Права человека. История, теория и практика. М., 1995. С. 39; Права человека: учебник для вузов. М., 1999. С. 3; Рудинский Ф.М. Наука прав человека и проблемы конституционного права. М., 2006. С. 41.

² Любопытное обстоятельство. Вспоминает судья Европейского суда по правам человека А.И. Ковлер: «Могу засвидетельствовать как участник Конституционного Совещания: работа над “правозащитной” частью Конституции была как бы отдана “на откуп” сторонникам либерально-демократического проекта, в то время как над “институциональной” частью трудились адепты сильной президентской власти. Это обусловило известное противоречие между демократическим и авторитарным элементами в российской Конституции». См.: Ковлер А. И. Конституционные основы новой российской государственности // Становление новой российской государственности: Реальность и перспективы. М., 1996. С. 23—34. Интересно, каковы были бы комментарии к Конституции и каков был бы образ российского конституционализма, случись между этими группами рокировка?

влечена из запасников теория «естественных прав» человека, и опять на краткий миг пробудился интерес к идее «естественного права»³.

Примечательно, что идеи естественного права при обосновании идеи прав человека (прав личности) и правового государства уже были однажды использованы русскими правоведом-либералом Б.Н. Чичериным, П.И. Новгородцевым, Б.А. Кистяковским, В.М. Гессеном, Л.И. Петражицким, С.Л. Франком и др. в конце XIX — начале XX в.⁴ Апелляция современных российских прав человека к естественному праву — это, в сущности, «римейк-дайджест» уже когда-то апробированного (хотя бы и на уровне теории).

Что же касается развития юридической науки в советский период, то проблематика прав человека исследовалась в основном под углом зрения субъективных прав личности. Позднее — в ракурсе правового (конституционно-правового) статуса личности. В теории права тогда господствовало позитивистское понимание права, в силу чего субъективные права личности (права человека) с логической неизбежностью рассматривались в качестве октроированных государством, а не в качестве «естественных» и неотчуждаемых.

В настоящее время естественно-правовое обоснование конституционализма характерно для работ ведущих теоретиков отечественного конституционализма и общей теории права, в частности, С.С. Алексеева, М.В. Баглая, О.Е. Кутафина, Е.А. Лукашевой, М.Ф. Рудинского и др.⁵ Расхождения в их взглядах по поводу «онтологии» основных прав малосущественны. Так, М.В. Баглай пишет, что свобода и права человека — «акт природы, а при религиозном подходе — Творца»⁶. Правда, такое обоснование осуществляется путем простой отсылки к «естественному праву» без расшифровки содержания последнего, и ценность его едва отлична от нулевой.

Использование в Конституции естественно-правовой конструкции прирожденных прав и свобод человека было направлено, как полагал В.С. Нерсесянц, «против ранее господствовавших в нашей теории и практике представлений об октроированном (дарованном сверху официальными властями) характере прав людей. **Антиэтатический смысл** данной конструкции очевиден: основные права и свободы принадлежат каждому по безусловному естественному основанию (в силу природного факта рождения), а не в зависимости от диктуемых государством условий, не по усмотрению, воле и решению властей. Определенная **стилизация под естественное право** призвана здесь продемонстрировать исходную и безусловную свободу, правомочность и правосубъектность любого индивида в его отношениях со всеми остальными — государством, обществом, другими индивидами»⁷.

С критикой теории «естественного права» с сугубо атеистических позиций выступил известный философ А.В. Зиновьев. В современной политико-правовой теории, отмечал он, «врожденность и неотъемлемость» прав человека считается чем-то само собой разумеющимся. Эта «врожденность и неотъемлемость» зафиксирована, в частности, во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г. С практической и исторической точек зрения идею «врожденности и неотъемлемости прав человека» можно рассматривать в

³ В ряду последних публикаций, посвященных проблематике естественного права, следует отметить работы: *Козлихин И.Ю.* Позитивизм и естественное право // Государство и право. 2000. № 3; *Пивоваров Ю.С.* Естественное право и социальная этика в XX столетии // Право XX века: идеи и ценности. М., 2001; *Рассказов Л.П., Упоров И.В.* Естественные права человека. СПб., 2001; *Мартышин О.В.* Метафизические концепции права // Государство и право. 2006. № 2 и др.

⁴ Из последних работ на эту тему см.: *Омельченко О.А.* История политических и правовых учений. М., 2006.

⁵ *Баглай М.В.* Конституционное право Российской Федерации. М., 2001. С. 117; Государственное право Российской Федерации / под ред. О.Е. Кутафина. М., 1996. С. 92.

⁶ *Баглай М.В.* Указ. соч. С. 157.

⁷ *Нерсесянц В.С.* Философия права. М., 1997. С. 376.

качестве некой регулятивной политической идеи, юридической фикции, поскольку сама идея права — писаного и неписаного, подразумеваемого, «естественного» — есть продукт исторического развития человеческой культуры, а отрезок времени, когда они стали предметом анализа и дискуссии, исчезающе мал по сравнению со всей предшествующей историей человечества»⁸.

В свою очередь Л.С. Мамут предложил использовать к правам человека подход, выражающийся в формуле «права приобретаются»⁹. «Утверждение, согласно которому обладателями любого своего права субъекты становятся исключительно через его приобретение, направлено против распространенных стереотипных мнений, будто права субъекта возникают по милости некоего сверхприродного начала, будто они — благодеяние государей (законодателей, госаппарата и т.п.), будто права субъекта изначально заложены в его биосоциальной природе, будто эти права независимо от воли, сознания и действий субъекта имплантируются в него совокупностью тех общественных отношений, в сфере которых он существует. Приведенные мнения уязвимы для серьезной критики»¹⁰.

Вообще-то для серьезной критики в этом мире многое уязвимо, а посему и угроза впасть ненароком в солипсизм всегда актуальна. Формула «права приобретаются» малосодержательна, поскольку «приобретаться» может лишь нечто, уже существующее, а потому следующий вопрос — откуда возникает это уже существующее нечто.

Формула «права приобретаются» пригодна для Гражданского кодекса, но не объясняет генезиса прав человека и не предназначена для такого объяснения.

Вот, в сущности, и вся идейная база, на которой в настоящее время строится в отечественной правовой науке доктрина «неотчуждаемых прав человека». Можно согласиться с мнением Н.И. Матузова, что «тезис о естественном и самостоятельном характере прав человека в современной юридической литературе является общепризнанным»¹¹.

В истории политической мысли было немало различных по смыслу, значению и содержанию вариантов теории естественного права. Тем не менее в работах, посвященных теории прав человека, естественно-правовой подход к их обоснованию связывается почти исключительно с именами Гоббса, Локка, Руссо, Монтескье¹². Принципиально иной по смыслу, содержанию и значению естественно-правовой подход к анализу феномена права был осуществлен, как подчеркивают В.А. и В.В. Роговы, в трудах Отцов Церкви¹³.

Естественный закон в его православной интерпретации — «это тождественный и единосущный закону Божьему, данному в первоначальных заповедях. И речь в них идет об обязанностях человека перед Богом, а не о домысленных протестантами правах человека и не о теории прав человека под пером европейских «просветителей»¹⁴. На это же обстоятельство, хотя и в несколько ином ракурсе, обращал внимание и выдающийся немецкий философ Р. Гвардини¹⁵.

⁸ Зиновьев А.В. Запад. М., 2000. С. 242.

⁹ Мамут Л.С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. 2001. № 7. С. 9.

¹⁰ См.: Право и права человека в условиях глобализации (научная конференция) // Государство и право. 2006. № 2.

¹¹ См.: Матузов Н.И. Теория и практика прав человека в России // Правоведение. 1998. № 4.

¹² См., напр.: Права человека. М., 2004.

¹³ Рогов В.А., Рогов В.В. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права. (Очерки IX — середины XVII вв.). М., 2006; Рогов В.А. Право-пространство-время в богословии и средневековой Руси. М., 2007. Так, «уже Св. Ириной значительно раньше классической римской юриспруденции ввел в христианскую теорию понятие “естественного права” именно как систему “должного” для человека, как выходящую за юридические рамки концепцию всеобъемлющей ответственности перед Богом» (Рогов В.А., Рогов В.В. Указ. соч. С. 223).

¹⁴ См.: Рогов В.А., Рогов В.В. Указ. соч. С. 225.

¹⁵ См.: Гвардини Р. Конец нового времени // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 152—159.

Идея прав человека в их доминирующей ныне интерпретации — порождение западного общества эпохи Нового времени, именуемой с недавних пор эпохой «модерна». С течением времени религиозное содержание естественных прав подверглось обмирщению в европейской политико-правовой доктрине, получив законченную безрелигиозную, атеистическую окраску в эпоху Просвещения. Неизбежным следствием этого стала возможность неограниченно произвольной интерпретации сущности и содержания естественных прав. Результаты этого процесса мы сегодня наблюдаем на Западе.

Право в его либеральной версии ограничивается исключительно регулированием внешнего поведения. Доступ к внутреннему миру человека для него закрыт, и потому «основным вопросом» западного либерального государства и права становится легальность, а не моральность. Внеморальность политики, замена всеобщей этики контролем принятых в парламенте законов превратились в кредо государственности и демократии западного типа, устраняющих из политики понятие греха (а по сути и совести — провозглашение «свободы совести») и заменяющих его исключительно понятием права: «Разрешено все, что не запрещено законом».

«Естественных правом» объявлено право на содомию, самоубийство и все то, что прежде у всех народов и во все времена считалось постыдным и губительным как для души, так и для тела. В сущности, в позитивном законодательстве закреплено и агрессивно воплощается право на духовную и физическую дегенерацию. Примером тому могут служить законы и референдумы, легализующие однополые браки, эвтаназию и т.д.¹⁶ Тем самым грубейшим образом попираются права тех, кто хотел бы защитить своих детей и внуков от складывающейся «диктатуры дегенератов».

В этом тоже заключена жесткая либеральная логика. Если есть лишь земное человеческое «Я», то нет никаких моральных и философских ограничений на человеческое своеволие. Остается получить лишь санкцию закона. Нечеловеческое или недочеловеческое превращается силою закона в норму. Так, агрессивно и последовательно «правам меньшинств» придается статус «фундаментальных прав человека». Будем и под эти «права» подводить соответствующую «онтологию»?

Западноевропейский подход к естественным правам человека

Современная западная конституционно-правовая теория в сущности давно отошла от идеи естественно-правового обоснования прав человека и стремится толковать их преимущественно в сугубо позитивном, позитивистском плане¹⁷. Известное исключение составляет итальянский конституционализм, в котором основные права (хотя и с весьма существенными оговорками) интерпретируются в качестве некой «метапозитивной» ценности¹⁸. Процесс позитивизации прав человека характерен и для стран англосаксонской правовой семьи, на что обратила внимание И.Ю. Богдановская¹⁹.

Сложнее дело обстояло дело в Германии, причем по не зависящим от немецких теоретиков причинам. Отрицая позитивистский подход к идее основных прав, конституционалисты ФРГ, толкующие Основной закон и черпающие в нем философско-правовую базу для своих построений, избегали и избегают по сию пору апелляции к «естественному праву» и тем более к христианскому вероучению при обосновании идеи неотъемлемых основных прав личности как независимых от государства.

Естественного права (после Нюрнбергского процесса) приходилось чураться в силу политической необходимости (дабы не вызывать «нечистых духов» минувшего). Но и от позитивистского обоснования прав человека — «основных прав» — тоже приходилось

¹⁶ <http://korrespondent.net/world/123129>.

¹⁷ См. подробнее: Защита прав человека в современном мире. М., 1993.

¹⁸ Кариола А. Основные права и свободы по Конституции Италии // Защита прав человека в современном мире. С. 53.

¹⁹ См.: Богдановская И.Ю. Источники права на современном этапе развития «общего права»: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 92—94.

открещиваться: те же Нюрнбергские (как и иные последующие законы) принципы были легальными и с точки зрения юридического позитивизма безупречными. По всему выходило, что и «естественное право», и юридический позитивизм для обоснования идеи прав человека не годились — чтобы не спровоцировать опасных аллюзий.

«Основные права, — отмечает известный конституционалист и в прошлом председатель Конституционного суда ФРГ К. Хессе, — не «заданы природой», т.е. не имеют догосударственного и доправового характера, поскольку обеспечиваются только при позитивном государственном правопорядке. Без правового обеспечения, оформления и ограничения государством, без правовой защиты основные права не смогли бы предоставить индивидууму конкретный реальный статус свободы и равенства и выполнить свои функции в жизни общества». Без взаимосвязи с другими факторами конституционного строя «они смогли бы осуществляться не как “естественный” статус, а только как важная составная часть демократического государственно-правового строя в целом»²⁰.

Выход из возникающей коллизии теории конституционализма ФРГ узрели в придании основным правам статуса «философско-правовой ценности» наивысшего порядка. Однако в таком случае конституционалисты оказались вынуждены разъяснять, почему основные права вопреки историческим и объективным фактам образуют такую систему. Неясно также, как эта система соотносится с «общей системой ценностей конституции»: будут ли эти системы идентичными, а если нет, то какие еще «системы ценностей» помимо основных прав содержит в себе общая система ценностей конституции²¹.

Однако попытка онтологизировать права человека в качестве высшей ценности тоже несет в себе «семя тли». Еще Ницше показал проблематичность философии ценностей, которые, как известно, имеют свою судьбу. На всю проблематичность интерпретация прав человека в качестве непреходящих ценностей обращал внимание и К. Шмитт: «Если рассматривать основные права как ценности, то сразу же возникает вопрос о том, почему эти ценности (равенство, свобода мнений и т.д.) должны рассматриваться в качестве таковых лишь по отношению к государству? Логично было бы распространить такое отношение к ним и на правоотношения, возникающие между гражданами. У ценности своя логика»²².

Как подчеркивал Шмитт в своей работе под многозначительным названием «Тирания ценностей», «облеченная в субъективность свобода подменяется объективностью ценностей, являющаяся объективностью лишь по видимости. Ибо тот, кто ссылается на ценности, не может ничего противопоставить стремлению к переоценке, дискредитации или сомнению в той или иной ценности»²³. Действительно, что мешает суверену пересмотреть статус этих норм-ценностей, и существуют ли для этого непроходимые преграды? Это обоснование принципов-ценностей становится, по Шмитту, слабым звеном данной версии прав человека, и здесь слабо помогает даже придание этим правовым ценностям статуса «трансцендентальных».

Конечно, продолжает Шмитт, можно было бы рассматривать конституционные нормы в качестве выражения «системы ценностей» или «естественно-правовой системы» (поскольку речь идет об основных правах). Однако неизбежным следствием и расплатой будет обесценивание самого текста конституции и ее понятийной структуры. Обретаем же мы в итоге ценности «позитивного» и «над-позитивного» свойства, для сомнения в стабилизирующей роли которых опыт последних десятилетий (причем, не только Германии) дает немало поводов»²⁴.

²⁰ Хессе К. Основы конституционного права ФРГ. С. 150.

²¹ Но это было уже «делом техники» и внимания на это обстоятельство никто особо уже не обращал.

²² Schmitt C. Die Tyrannei der Werte. Hamburg, 1979. S. 33.

²³ Ibid. S. 37.

²⁴ Ibid. S. 33.

Итак: либо основные права — это ценности, которые подлежат одинаковой правовой защите как в отношениях между гражданами и государством, так и между самим гражданами, либо в одном случае основные права — это непреходящие вечные ценности, а в другом — субъективные преходящие права. Такова, по Шмитту, нелегкая ситуация, в которую попадают интерпретаторы конституции в качестве системы ценностей.

Идея примата прав человека в российском конституционализме

Рецепцию принципа примата прав человека, осуществленную в российском конституционализме, можно рассматривать в качестве своеобразной презумпции «виновности государства» по отношению к гражданину. Государство, как отмечает известный конституционалист Й. Изензее, «втискивается в прокрустово ложе конституционных обязанностей, при этом гражданин наделяется свободой по отношению к государству, а через гражданина — и все общество»²⁵.

Принципиальное недоверие к государству как к потенциальному «тирану» корреспондируется в либеральной конституции с принципиальным доверием к гражданину и его свободам. В этом опять-таки присутствует либеральная логика, поскольку гражданин в либеральном представлении является источником государственной власти и ее самоцелью, которая как таковая несравнима и несоизмерима с целевой организацией, коей является государство. Разумеется, речь идет о чисто идеологическом тезисе, а не о реальном положении вещей — обязанностей гражданина по отношению к государству еще никто и нигде не отменял.

В духе этой либеральной логики прописана гл. 2 Конституции РФ, посвященная правам и свободам человека. Статья 2, в частности, гласит: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства».

Столь радикальная позиция имеет в своей подоснове весьма определенную антропологию. Антропологию, присущую либерализму.

В.А. Четвернин понимает эту прокламацию в том смысле, что «в демократическом конституционном государстве отдельный человек, его права и свободы представляют собой высшую ценность и по общему правилу имеют приоритет по отношению к общим или государственным интересам, правам нации (народа)»²⁶. Безусловные субъективные права — это, с точки зрения автора, абсолютные права по отношению к компетенции правительств и административных органов. Основными правами и свободами гражданина ограничен, в соответствии с позицией В.А. Четвернина, «и сам государственный суверенитет». Логическим развитием подобного подхода могло бы стать признание примата прав человека над правом вообще.

Идея «приоритета прав человека» часто встречается и других комментариях к Конституции. Г.Д. Садовникова пишет: «Закрепление прав и свобод человека как высшей ценности означает, что во взаимоотношениях человека, общества и государства приоритет принадлежит правам и законным интересам человека»²⁷.

Иными словами, если человек — высшая ценность, то и его права ценности того же — наивысшего — порядка, «предшествующие конституции» и имеющие примат даже над государственным суверенитетом.

Это, безусловно, крайне радикальная и сугубо идеологическая позиция, вызвавшая известную оторопь даже в самом либеральном лагере. «Подобные “новаторские” заключения, — отмечает О.В. Мартышин, — демонстрируют, как далеко отходит ком-

²⁵ Isensee J. Bürgerfreiheit und Bürgertugend // Der Preis der Freiheit. Köln, 1998. S. 20.

²⁶ Четвернин В.А. Демократическое конституционное государство: введение в теорию. М., 1993. С. 6.

²⁷ Садовникова Г.Д. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). М., 2000. С. 15—16.

ментарий не только от текста, но и от смысла Конституции. Речь идет, по существу, не о толковании, а о придании нового содержания Конституции, об ее изменении»²⁸.

Однако на радикальный ответ теории возникает и не менее радикальный вопрос: «А есть ли вообще в этом мире что-то, что превыше прав человека?» Или права человека вообще «над миром»? Связаны ли его права с правами будущих поколений? Связаны ли его права с правами ушедших поколений?

При такой «концептуализации» ни одно государство просто не сможет существовать при мало-мальски серьезном испытании. Принцип превосходства прав личности над правами государства при его практической реализации неминуемо ведет к распаду государства и, следовательно, краху прав личности, поскольку без государства защищать их попросту становится некому.

«Человек» и тем более его права, как справедливо отмечает В.И. Карпец, не могут быть «высшими ценностями» просто потому, что таковыми не являются. Высшие ценности всегда трансцендентны, «иноприродны» и «нездешни». Даже советские идеология и право провозглашали трансцендентные ориентиры, что позволяло им поддерживать свое существование, «питаясь извне»²⁹.

Объявляя человека высшей ценностью, мы неизбежно должны определить некую абсолютную ценность и ее человеческие параметры. Провозглашая человека «высшей ценностью», становится уже невозможно уже уйти от вопроса о качестве этого человека. Падший человек — тоже человек. Он будет «высшей ценностью»? Модусы человечности вообще беспредельны.

Налицо чисто идеологический лозунг, не имеющий к реальной жизни никакого отношения. Как справедливо отмечает О.И. Генисаретский, «идеи всемирного гражданского общества, прав и свобод человека — это утопия, пафос которой — в агрессивном отрицании всего самобытного (в особенности — разных «образов человечности»). В концепции прав человека прямо отражены только те человеческие качества, которые характеризуют человека как автономного, свободного и правоспособного индивида, как частное лицо, представляющее только самого себя, поскольку ему изначально присущи его человеческая природа и выводимые из нее неотчуждаемые права. За этносами, культурами и религиями не признается собственной природы, отличной от индивидуально-человеческой, а следовательно, не признается ни их автономии, ни свободы, ни прав»³⁰.

Следует отметить, что за редчайшим исключением подавляющее большинство российских авторов, пишущих о политическом либерализме, оставляют в стороне этот философско-антропологический аспект либеральной правовой идеологии³¹.

²⁸ Мартышин О.В. Идеино-политические основы современной российской государственности // Государство и право. 2006. № 10. С. 33.

²⁹ Карпец В.И. Русь Мерovingов и корень Рюрика. М., 2006. С. 142—143.

³⁰ См.: Генисаретский О.И. Навигатор: методологические расширения и продолжения. М., 2002. С. 440.

³¹ При возникновении современного общества в результате Реформации, Просвещения и буржуазных революций, отмечает С.Г. Кара-Мурза, «возникло новое представление о человеке — свободный индивидуум. **Ин-дивид** — это перевод на латынь греческого слова **а-том**, что по-русски означает неделимый. Человек стал атомом человечества — свободным, неделимым, в непрерывном движении и соударениях. При этом каждый имел в частной собственности свое тело. Оно стало самым исходным, первичным элементом частной собственности, и в обладании ею все были равны. В России сам смысл понятия «индивид» широкой публике даже до сих пор неизвестен — это слово воспринимается как синоним слова «личность», что совершенно неверно». (Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Книга первая. От начала до Великой Победы. М., 2002. С. 335).

Показателен комментарий, который дают крупнейшие теоретики конституционализма ФРГ к Преамбуле Основного закона, в которой говорится, в частности, об ответственности германского народа «перед Богом и людьми». Слова об «ответственности перед Богом и людьми» не следует, по их мнению, толковать в узкорелигиозном плане; они в большей мере означают «признание существования предшествующего государству и обязательного для всех без исключения минимального морально-культурного стандарта с привязкой его к надпозитивному праву и отказ от любых форм тоталитарного отправления власти» (Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. Kommentar. Baden-Baden, 1999. S. 34).

Тем самым уже и Господь Бог фактически сведен до уровня «морально-культурного стандарта».

В настоящее время идеология прав человека стала несущим элементом политической теории либерализма, метафизической системой и неким, по меткому замечанию В.И. Карпеца, «квази-религиозным культом»³².

Общепринятая концепция прав человека является регулятивной либеральной идеей, имеющей в своем основании специфически западное представление о человеке, государстве и естественном праве, распространяемое на иные культуры и цивилизации. Идеология прав человека в ее господствующей — либеральной — интерпретации не имеет ничего общего с христианским взглядом на человека и общество, на права личности, противореча ему в самых своих метафизических основаниях.

Современные российские исследования в области теории прав человека ведутся в большинстве своем в рамках не имеющей сколь-нибудь серьезного научного обоснования евроцентристской парадигмы, воспринятой многими отечественными специалистами в качестве истины в последней инстанции. В связи с этим неудивительно, что наиболее глубокие и свежие идеи в области понимания права и прав человека выдвигаются представителями философии, культурологи, социологии, не связанными западными либеральными догмами.

---

³² Карпец В.И. Указ. соч. С. 143.